

ДВА АСПЕКТА АДВОКАТСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

Статус адвоката и гарантии его деятельности в последнее время дважды становились предметом рассмотрения в Конституционном Суде: вначале в контексте разглашения тайны следствия, затем — условий проведения обыска в кабинете адвоката. В первом случае КС РФ ограничился отказным определением, посчитав существующую практику привлечения к ответственности за разглашение тайны следствия соответствующей Конституции РФ. Во втором Суду только предстоит вынести постановление.

Способны ли позиции КС РФ по двум указанным проблемам существенно повлиять на гарантии прав защитника и его правовой статус? Если да, то каким образом?

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВ

полномочный представитель
Совета Федерации ФС РФ
в Конституционном
Суде РФ, заведующий
кафедрой уголовного
процесса СПбГУ, доктор
юридических наук, профессор

— Сейчас, действительно, есть очень много проблем, связанных с адвокатурой, и особенно с защитой по уголовным делам. С одной стороны, адвокаты должны четко соблюдать законодательство, с другой — их права должны быть абсолютно обеспечены, поскольку они выполняют конституционные функции по защите законных прав и интересов граждан. Адвокатура занимает особое место среди правовых учреждений.

Например, по закону адвокат не может быть агентом спецслужб и сотрудничать с государственными органами, чтобы гарантировать тайну следствия и то, что он работает только в интересах своего подзащитного.

Государство обязано обеспечить его деятельность, чтобы он мог выполнять конституционные и законные обязанности по защите лица, которое привлекается в качестве обвиняемого. Но даже здесь есть организационные проблемы, которые вредят правосудию, скажем ситуации, когда адвокат сидит 4 или 5 часов в очереди в следственный изолятор и потом в ненадлежащих условиях, в отсутствие каких-либо документов проводит беседу и работу со своим подзащитным.

Что касается обысков. Адвокат относится к мягкой форме специального субъекта: возбудить в отношении него уголовное дело может лишь руководитель регионального управления Следственного комитета. Так что со стороны уголовного процесса к адвокату в плане защиты его интересов особое отношение.

Если есть законные основания для проведения у адвоката обыска, он должен быть проведен, но проведен только у адвоката, а не в адвокатском бюро вообще. Ни в коем случае это решение не должно касаться материалов по другим делам и по другим адвокатам, поскольку иначе оно нарушает тайну следствия по делам, которые находятся в производстве у других адвокатов. Для нас очень важно соблюдение конституционных прав граждан. Другое дело, что нужно поднимать уровень адвокатуры, повышать нравственные начала в деятельности отдельных адвокатов, которые могут нарушать закон, но это не имеет никакой связи с тем, что органы государственной власти иногда совершают в отношении адвокатов. Должен быть установлен самый высокий уровень правового уважения адвоката и гарантирована защита его прав, потому что таким образом защищаются и те права, которые он сам в соответствии со своей особой профессией защищает и охраняет.

Любое несоблюдение прав адвоката, особенно тогда, когда оно раскрывает адвокатскую тайну и таким образом лишает права на защиту кого-то, — это грубое нарушение, за которое должностные лица должны привлекаться к строгой дисциплинарной, а то и более суровой ответственности. Вот мое мнение.

ГЕНРИ РЕЗНИК

вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук

— Сама норма ст. 161 УПК представляет собой пережиток инквизиционного советского процесса и абсолютно противоречит современной состязательной модели. Она была введена в УПК РСФСР еще в 1960 г., когда защитник на предварительном следствии вообще отсутствовал. Сейчас ситуация изменилась: защитник не просто допускается к участию в деле с момента фактического задержания подозреваемого, но и наделен правом активно собирать доказательственную информацию для опровержения обвинения, в том числе проводить опросы свидетелей защиты, запрашивать мнение специалиста и т.п. Очень многие следственные действия сегодня обжалуются в суд, а целый ряд из них вообще не может проводиться без решения суда. В этой ситуации право следователя как представителя стороны обвинения ограничить профессионального представителя стороны защиты в разглашении материалов предварительного расследования просто не вписывается в состязательную модель уголовного судопроизводства.

Когда защитник собирает доказательства, то в таком случае, особенно при оспаривании решений следователя, разглашение информации в каком-то объеме неизбежно. Прежде всего вызывает сомнения то, что защитника вообще можно признать субъектом, на которого может распространяться ограничение в праве разглашать информацию, ведь его права производны от прав подозреваемого/обвиняемого, интересы которых он представляет. Более того, до окончания предварительного расследования защитник не допускается ко всем материалам дела: он вправе знакомиться с весьма ограниченным перечнем документов, связанных только с такими следственными действиями, которые проводятся с подзащитным или по инициативе защиты.

При этом защитник согласно действующему УПК наделяется правом проводить опросы, чтобы выявлять свидетелей защиты, а также заключать соглашение со специалистом, который призван изучать и опровергать заключения эксперта. Получается, что все это он может делать только при согласии следствия, стороны обвинения. И еще один немаловажный момент: в так называемых заказных делах задачей защитника является в том числе привлечение внимания общественности, придание максимальной публичности ходу расследования для того, чтобы противодействовать чинимому государственными органами произволу, — выходит, что и этого он не может без согласия этих самых государственных органов.

Я думаю, что в данном случае КС РФ проявил неоправданную робость, ведь ранее он в своих позициях вплотную подошел к выводам о неконституционности этой нормы. Единственное правильное решение здесь, на мой взгляд, может заключаться не в ограничении объема следственной тайны, а в исключении нормы ст. 161 из УПК РФ вообще. Конституционный Суд фактически взял под свою защиту эту инквизиционную составляющую на предварительном следствии, которая позволяет следователю диктовать условия реализации права защитника на активный поиск доказательств. В итоге эта норма используется для преследования мужественных защитников, которые противостоят обвинению.

Что же касается ст. 165 и 182 УПК, конституционность которых проверяется в другом обсуждаемом деле, то нужно сказать, что эти нормы уже многие годы являлись предметом критики, поскольку позволяли следователю обращаться с абсолютно неопределенными и немотивированными ходатайствами в суд для инициирования проведения обыска, никак не конкретизируя их. Между тем должно быть ровно наоборот, ведь речь идет об ограничении конституционных прав граждан. Ходатайства должны быть максимально конкретизированы, а суд в своем решении должен четко обозначать, какие предметы подлежат изъятию. Существующий же порядок позволяет следователю в ходе обыска изымать все «под метелку»: все досье, материалы всех клиентов, что нередко парализует работу адвокатских образований. Затем на протяжении длительного времени адвокаты не могут добиться возврата тех предметов, которые вообще не имеют никакого отношения к этому делу. Доводится стелкиваться и со злым умыслом со стороны следствия, которое на самом деле интересуется не предметами, относящимися к конкретному уголовному делу, а задается целью парализовать участие адвоката в совершенно другом процессе.

Поэтому неконкретность указанных норм УПК, по моему мнению, позволяет говорить об их неконституционности, т.е. их противоречии нормам Конституции, гарантирующим защиту прав граждан от произвольного вмешательства государства. Надеюсь, что в этот раз Конституционный Суд не проявит излишнюю робость в своем решении.

ЛЕОНИД ГОЛОВКО

заведующий кафедрой
уголовного процесса,
правосудия и прокурорского
надзора МГУ
им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук

— Я бы не стал смешивать эти две ситуации: они разные по своей процессуальной природе, хотя обе внешне и связаны со статусом адвоката.

Жалоба защитника в Конституционный Суд по делу О.Г. Сенцова вообще поразительна. Достаточно сказать, что заявители оспорили, помимо прочего, конституционность п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, в соответствии с которым следователь уполномочивается самостоятельно направлять ход расследования и принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий. Какова альтернатива? Следователь должен действовать не самостоятельно, а исключительно по чьим-то указаниям? Мы теперь к этому стремимся? Здесь, как говорится, без комментариев.

Запрет защите разглашать данные предварительного следствия вполне понятен и процессуально исключительно корректен. Логика здесь проста: права всегда сопряжены с обязанностями. Защита сегодня получает достаточно широкий доступ к материалам дела не только по окончании, но и в ходе предварительного расследования, что, безусловно, является благом. Однако в качестве противовеса (баланса) возникают и ограничения по распространению соответствующей информации, иначе следствие не может быть эффективным, а в некоторых ситуациях станет совершенно бессмысленным. Мы здесь действуем еще достаточно мягко. Скажем, во Франции производящий предварительное следствие следственный судья вправе запретить адвокату сообщать полученные им в ходе предварительного следствия данные не только посторонним лицам или СМИ, но даже своему клиенту (обвиняемому). Если же мы снимем с адвоката соответствующие обязанности, то тогда надо будет неизбежно «закрывать» для него уголовное дело, ограничивать его участие в нем и т.п., что вряд ли хорошо для подозреваемого или обвиняемого. Ссылка на то, что у следователя нет зеркальной обязанности, абсолютно некорректна. Следователь является единственным лицом, которое в ходе следствия знает материалы дела во всей совокупности, принимает процессуальные решения о движении дела, оценивает доказательства, дает деянию уголовно-правовую оценку, в общем, осуществляет правоприменение. Поэтому только ему известно, оглашение каких материалов дела вредно, а каких — безвредно с точки зрения интересов следствия и в конечном итоге интересов правосудия, поскольку эффективное правосудие по уголовным делам невозможно без эффективного следствия. Если же следователь ошибется в своей оценке и разгласит то, что разглашать не следовало, то его как минимум ждет жесткая дисциплинарная ответственность. Ничего подобного защитника ждать не может, так как «развал дела», в том числе в силу оглашения каких-то его материалов (что подчас позволяет заинтересованным лицам скрыться, уничтожить доказательства и т.п.), является его несомненным процессуальным успехом. За это его будут не подвергать дисциплинарной ответственности, а всемерно хвалить. Пора вообще прекратить искать зеркальность в полномочиях следователя и защитника в духе вульгарной состязательности. Иначе мы скоро будем требовать постройки СИЗО для потерпевших от преступлений (дескать, почему следователь может поместить обвиняемого под стражу, а защитник потерпевшего нет?). Следователь — это, конечно, никакая не сторона обвинения. Для европейской процессуальной культуры такого рода тезис, безграмотно провозглашенный нашим УПК в «наивные» годы постсо-

ветского правового строительства, является абсолютным нонсенсом. Любого серьезного французского, бельгийского, швейцарского или немецкого процессуалиста он повергает в шок. Лицо, осуществляющее правоприменение на любой стадии процесса, принимающее официальные процессуальные решения и определяющее движение дела, не может быть стороной по определению. У стороны не бывает процессуальной власти, поэтому прокурор в суде — сторона (вся власть там у суда), а следователь в ходе расследования — нет. Это давно пора понять и исправить заложенный в УПК абсурд. Тогда не придется и искать заведомо недостижимую зеркальность в действиях следователя и адвоката. При этом понимание нейтрального статуса следователя (как говорили раньше, «судебного следователя») пойдет только на пользу праву на защиту в его функциональном (а не формальном) смысле.

Что касается второй проблемы, то она исчерпывающе урегулирована в ч. 3 ст. 8 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре: «Проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения».

Полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей. Указанные ограничения не распространяются на орудия преступления, а также на предметы, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Что к этому добавить? Абсолютно нечего. Можно ли полностью запретить обыски и следственные действия в адвокатских помещениях? К сожалению, нет. Ведь адвокаты — это не ангелы, а люди (как и следователи, судьи и т.п.), а некоторым из людей свойственно убивать, красть, насиловать, мошенничать и т.п., и их надо за это привлекать к уголовной ответственности. Наличие адвокатского (как и любого иного) статуса не является иммунитетом от этого печального, но неизбежного социального феномена. Бывают ли при нынешнем регулировании злоупотребления органов расследования? Увы, но бывают, что не ставит под сомнение разумность самого регулирования. Сталкиваясь с иногда встречающимися ошибками и злоупотреблениями судей, мы же не подвергаем сомнению конституционность самого института правосудия и не пытаемся оспорить в Конституционном Суде принцип осуществления правосудия только судом. Почему здесь должно быть иначе?

НИКИТА КОЛОКОЛОВдоктор юридических
наук

— Конфликт между обвинением и защитой — явление закономерное. Задача законодателя — разработать правила его разрешения таким образом, чтобы были соблюдены интересы обеих сторон, т.е. общества в целом. Общепризнано, что каждая из сторон имеет право на свою тайну: обвинение на тайну следственную, защита на тайну адвокатскую. Само по себе признание адвокатской тайны на любом, пусть и самом высоком, законодательном уровне, не исключает существования механизмов взлома данной презумпции. Вообще, общество считает приемлемым посягательство на чью-то тайну. Так, издавна существует оригинальная процедура проверки пола кандидата на сан папы римского. Весьма жестокой и циничной является процедура антидопингового контроля, когда речь идет о спорте высоких достижений. Скажу больше, наше тело давно уже не личная тайна, ибо сканирующие устройства каждый раз раздевают нас перед полетом на самолете.

Поскольку преступления совершают не только министры и губернаторы, но и адвокаты, то неудивительно, что законодатель предусмотрел процедуру взлома адвокатской тайны. Еще в 1993 г. Конституционный Суд РФ сформулировал в межотраслевом пространстве правовую позицию, согласно которой ограничение основных прав и свобод возможно на основании закона в предусмотренных Конституцией целях и в пределах, необходимых для нормального функционирования демократии.

Оспаривать данную посылку, а равно нормы УПК РФ (ст. 29, 165 и 182), регламентирующие процедуру взлома адвокатской тайны по инициативе следователя, бессмысленно. Что же тогда может быть предметом спора? Злоупотребление следователем правом на инициацию взлома адвокатской тайны и равнодушие суда как к обоснованию причин такого взлома, так и к его пределам.

Начнем с того, что произвольный взлом адвокатской тайны прямо запрещен законом. Естественно, что органы предварительного расследования мечтают знать информацию, которой владеют адвокаты. Неудивительно, что следователи регулярно изобретают новые технологии, позволяющие им проникнуть в адвокатские досье.

Подвергая сомнению конституционность норм УПК РФ, адвокаты вопрошают: соответствуют ли Основному закону страны правила, позволяющие суду разрешить следователю, осуществляющему производство по делу в отношении адвоката X, одновременно заглянуть в досье всех адвокатов бюро, коллегии, а то и палаты, включая личный обыск каждого из них? Безусловно, подобное игнорирование профессиональных прав защитников недопустимо, это подрыв независимости адвокатуры, закрепленной в законе. Суд не вправе отменить закон.

Кто и как должен ограничить следственный произвол, признать разрешившие его судебные решения незаконными и необоснованными? Безусловно, суд, в рамках каждого конкретного дела. Механизм предельно прост: всё, что установлено следователем в рамках произвольного, пусть и разрешенного судом, любопытства, автоматически должно быть отнесено к недопустимым доказательствам.

Обозначенная проблема известна не только в России. С ней неоднократно сталкивались и в колыбели судебного контроля за предварительным расследованием — в США. Произвол полиции по вторжению на территорию, осмотр которой допустим только на основании судебного решения, неоднократно был предметом анализа Верховного суда США. Там же и родились понятия «повальный обыск», «обыск на основании общих ордеров», «общий обыск», «обыск вслепую», которые теперь стали предметом нашей судебной практики. Следует отметить, что решения высшего органа конституционного контроля США по обозначенным выше проблемам были, мягко скажем, разными и противоречивыми. Вспомним еще, что победителей не судят: если следователь пусть и незаконно, но найдет в досье адвоката серьезный компромат, то мало у кого в нашей стране поднимется рука отнести данные доказательства к недопустимым.

Проблема, безусловно, шире, чем адвокатская тайна. Взлом адвокатских презумпций идет по всему фронту. Попросил следователь разрешение на допрос адвоката в связи с осуществлением им профессиональных обязанностей — суд разрешает. После этого попросил разрешение на проведение его опознания лицом, которое с адвокатом давно знакомо, — разрешение дано незамедлительно. И никого не интересует тот факт, что криминалистическая тактика этого в принципе не допускает. Главное, следователь попросил!

Тайна следствия (ст. 161 УПК РФ) тоже институт общепризнанный, ибо без его существования производство по делам о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, невозможно.

В то же время один из методов работы адвоката по делу — это привлечение на свою сторону общественного мнения, т.е. взлом следственной тайны. Например, подзащитный утверждает, что его изощренно пытаются, следователь называет это тайной. Вправе ли адвокат разгласить тайну в такой ситуации? Аналогично будет выглядеть и разглашение адвокатом тайны, касающейся здоровья его подзащитного, которого в целях продолжения пытки этапировали в конкретную колонию. Разгласи адвокаты своевременно такую информацию, не было бы дела А. Михеева, получившего защиту только в Европейском суде по правам человека, был бы жив и полковник, замученный в ИК в г. Борске Нижегородской области.

Не случайно судья Конституционного Суда РФ К.В. Арановский в своем особом мнении к Определению Суда от 06.10.2015 № 2443-О заявил, что «не всякая огласка вредит тайне следствия, сама эта тайна безусловна и не любое разглашение нарушает соответствующий запрет».

ИГОРЬ ПАСТУХОВ

советник юридической
фирмы «ЮСТ», адвокат

— По поводу первого дела могу сказать, что, действительно, существуют ситуации, когда необходимо обеспечить тайну следствия, и закон совершенно правомерно закрепляет связанные с этим ограничения. Но вся беда не в тексте закона, а в порядке его применения. И на практике тайна следствия используется зачастую не для защиты тайны личной жизни участников судопроизводства, а для защиты следствия от критики.

В этом главная проблема, и проявляется она именно в правоприменении. Мы видим, что ограничения зачастую накладываются не в тех случаях, когда очевидна опасность разглашения для сокрытия следов преступления, воздействия на ключевых свидетелей и т.п., а в тех, когда следствие наталкивается на активную позицию защиты: раз вы имеете наглость защищаться и возражать против обвинения, пожалуйста — получите подписку о неразглашении тайны следствия. В результате защитнику невозможно обратиться к специалисту, чтобы получить другое мнение по конкретному специальному вопросу, данная подписка лишает его такой возможности.

Такой же вывод можно сделать и по поводу обыска в адвокатском кабинете. Теоретически адвокат может оказаться соучастником преступления, в отношении которого необходимо провести обыск, — это не такая уж надуманная ситуация. Вспомним хотя бы дела так называемых черных риелторов, когда в преступную группу входят и адвокаты, и даже нотариусы. В таких обстоятельствах обыск в адвокатском образовании вполне объясним и возможен. Но опять-таки закон, который написан для подобных случаев, применяется следователями произвольно совсем в иных условиях. Да, существующий порядок предполагает такой обыск исключительно с разрешения суда, вот только суд не оценивает критически доводы обвинения, когда он выдает такое разрешение. Просмотрите на статистику: в более чем 95% случаев суд удовлетворяет подобные ходатайства следователя, отказывая только в случае нарушения каких-то процедурных моментов. По сути, в условиях концепции предварительного судебного надзора по-другому быть и не может: суд на данном этапе не может предрешать ответы на вопросы, которые будут затем рассматриваться по существу, нет сущностного анализа при рассмотрении судом подобных ходатайств следствия.

В итоге получается, что Конституционный Суд не может признать сами эти нормы неконституционными, поскольку конституционные интересы предполагают применение таких норм в ряде исключительных случаев, но при этом фактически они применяются вовсе не в исключительных ситуациях, а как общее правило.

СЕРГЕЙ ГОЛУБОК

адвокат, кандидат
юридических наук

— Относительно отказных определений Конституционного Суда РФ по тайне следствия я скажу так: к сожалению, они ничего не добавляют к имеющемуся ущербному правовому регулированию на стадии предварительного расследования в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

В настоящее время Суд рассматривает жалобу адвоката А.В. Баляна и других граждан на ряд положений УПК в части правовой регламентации обысков в помещениях адвокатских образований, которую он принял к рассмотрению в сентябре.

Считаю, что являющиеся по этому делу предметом проверки на соответствие Конституции РФ положения УПК РФ в значении, придаваемом им правоприменительной практикой, не позволяют эффективно защитить адвокатскую тайну и тем самым нарушают конституционные права как адвокатов, помещения которых обыскиваются и адвокатские производства которых изымаются, так и их доверителей.

Во-первых, оспариваемые положения УПК никак не ограничивают суды общей юрисдикции в широте охвата издаваемых ими по ходатайствам следователей постановлений, разрешающих обыски в помещениях адвокатских образований, включая личные обыски находящихся в этих помещениях адвокатов. Суды могут давать санкции на обыск, предполагающие возможность изъятия любых обнаруженных предметов и документов вне зависимости от того, содержат ли они адвокатскую тайну и имеют ли они отношение к уголовному делу, в рамках производства по которому судом дана такая санкция. Так, в постановлении по делу заявителей районный суд, перечислив целый ряд документов, содержащих адвокатскую тайну и подлежащих изъятию в случае их обнаружения при обыске (например, соглашений об оказании юридической помощи и адвокатских производств), отметил, что также подлежат изъятию «адвокатские производства в отношении иных лиц» и «иные предметы, документы, денежные средства и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела», т.е. никак не ограничил усмотрение следователей, осуществляющих обыск.

Во-вторых, оспариваемые положения УПК не содержат никаких процессуальных гарантий, направленных на обеспечение режима адвокатской тайны при осуществлении обыска в помещении адвокатского образования и личного обыска адвоката. Не исключается — и это имело место в деле заявителей — производство обыска теми же следователями, кто расследует уголовное дело против доверителей адвокатов, по которому адвокаты, в чьих помещениях проходит обыск, являются защитниками. Не предусмотрено, как того требует правоприменительная практика ЕСПЧ, участие независимых наблюдателей — представителей адвокатской палаты. Наличие такого независимого наблюдателя, согласно правоприменительной практике ЕСПЧ, требуется для того, чтобы можно было идентифицировать — независимо от участников уголовного судопроизводства и данного конкретного следственного действия, — какие именно документы подлежат изъятию по судебной санкции (которая должна, что отмечалось выше, быть сформулирована максимально конкретно), а какие защищены профессиональной привилегией (т.е. адвокатской тайной).

Институт такого независимого наблюдателя, его статус, права и обязанности не предусмотрены оспариваемыми положениями УПК РФ, что свидетельствует об их несоответствии Конституции РФ. Присутствие при производстве обыска в помещении адвокатского образования независимого наблюдателя обусловлено спецификой объекта обыска. Участие в следственном действии независимого эксперта — представителя адвокатской палаты позволяет защитить адвокатскую тайну, что, как вытекает из приведенных выше правовых позиций КС РФ, требуется в силу публичного интереса, лежащего в основе положения ч. 1 ст. 48 Конституции РФ.

В-третьих, оспариваемые положения УПК никак не ограничивают полномочия стороны следствия по использованию документов и материалов, изъятых в результате обыска в помещении адвокатского образования. Как и в деле заявителей, следователи могут использовать их в уголовных делах против доверителей адвокатов, в помещениях которых был проведен обыск.

По сути, и это подтверждается развитием событий по делу заявителей, следователи получают в свое распоряжение универсальный механизм воздействия на сторону защиты: получив общее разрешение суда, они могут изъять у адвоката все адвокатские производства, использовать полученные сведения против адвокатов и, самое главное, против их доверителей, фактически заставив доверителей отказаться от своих защитников.

Данное дело имеет принципиальное значение для адвокатской корпорации в России в целом. Без надлежащей защиты по уголовному делу невозможно реальное обеспечение конституционного принципа состязательности судопроизводства.

Следует ожидать, что свое постановление по этому делу Суд вынесет в декабре текущего года. Надеюсь, что положения УПК будут дополнены действенными процессуальными гарантиями, необходимыми при проведении тех следственных действий (например, обысков в помещениях адвокатских образований, личных обысков адвокатов), которые могут нанести ущерб адвокатской тайне, без эффективной защиты которой невозможно обеспечить на практике конституционное право на квалифицированную юридическую помощь.